

Анна Данилова
Виртуальный муж
Серия «Детектив Юлия Земцова», книга 10

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183840
Виртуальный муж: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-32800-0*

Аннотация

Это была странная женская вечеринка: хозяйка детективного агентства Юлия Земцова, вдова убитого бизнесмена Наташа Британ и жена предполагаемого убийцы Лида Погодина. Женщины были явно благодарны Земцовой за то, что хотя бы на время вырвались из того ада, в который превратилась их жизнь по воле случая. Юля, глядя на гостей, сделала вывод: они действительно близкие подруги. И ей не хотелось верить, будто Андрей Погодин мог убить своего товарища Леву Британа. Но ведь именно близкие люди как раз и оказываются посвященными в разного рода тайны, в том числе семейные, а потому становятся наиболее опасными... Юля наблюдала, а ее гости накачивались с горя виски... А потом произошло непредвиденное, что заставило сыщицу взглянуть на это дело другими глазами...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анна Данилова Виртуальный муж

Дорогой милый Митес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое лучшее в жизни!

Живите, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анне Даниловой (жена)

Глава 1

– Кажется, стреляют где-то, – сказал мужчина в коричневом толстом свитере своему приятелю, тоже рыбаку, с которым они возвращались с рыбалки домой, в Трещиху, поселок на берегу Волги.

– Да, похоже на то, – ответил приятель и даже приостановился, чтобы послушать.

Они шли проселочной дорогой, крутой, как и сам берег, шли тяжело, потому как устали, а в пакетах, что они держали в руках, билась еще живая крупная рыба: щуки, лещи и даже судаки. Мужчины были под хмельком, довольные и находились в том благодном предвкушении возвращения домой, которое не сравнимо ни с чем другим, – дома их ждали жены, ужин с жареной рыбой и глубокий, долгий сон. Выстрелы, которые они слышали, донеслись из дачного массива – утопающих в осенней побуревшей зелени садов крыш крошечных, словно игрушечных, домиков. Низина, в которой лежал окутанный синеватой костровой дымкой дачный поселок, была окружена ивами и старыми, кряжистыми дубами. В это время года – стояло бабье лето – дачники появлялись на своих участках лишь в выходные. Но рыбаки возвращались с рыбалки в среду – они работали у фермера по скользящему графику, и как раз в среду у них был выходной.

– Может, кто сдуру шифер жжет, вот он и стреляет? – предположил тот, что был в коричневом свитере.

И тут раздался еще один звук, резкий, как удар кнута, отрывистый, громкий и страшный. Подхваченный ветром, он растаял где-то высоко в небе.

– Прямо как на полигоне... Это точно выстрелы.

Они остановились, чтобы осмотреться и понять, откуда же именно доносятся выстрелы. Но ни машины, ни бегущих людей или одного человека, предполагаемого убийцу, пытающегося покинуть как можно скорее место преступления, они так и не увидели. Низина продолжала безмолвно куриться под ногами...

– Может, дети петардами балуются, – пожал плечами один из рыбаков. – Пошли, меня уже ноги не держат...

* * *

Игорь Шубин, сотрудник частного детективного агентства, официально принадлежащего Юлии Земцовой, готовился к ее приезду в Саратов. Он готовился в душе, сотни и сотни раз представляя себе, как она подъезжает к агентству на роскошной машине, как, покинув свое водительское место, Крымов, ее муж, открывает дверцу, как подает ей руку, помогая выйти своей ненаглядной с ребенком на руках. Торжественная семейная сцена из нереальной жизни... Юля Земцова в его памяти всегда оставалась довольно одиноким и очень своеобразным человеком, хрупкой девушкой с бледным, сосредоточенным лицом и внимательными глазами, многоопытной женщиной, не принадлежащей до конца никому, даже Крымову, которого она любит. Любит, но не принадлежит. И вдруг – она замужняя дама, прожившая долгое время за границей, в Париже, да еще и мама маленького ребенка, кажется, девочки... Сколько малышке: годик, полтора? Он не хотел даже думать об этом. Юля возвращается сюда насовсем или приезжает для того, чтобы понастальгировать вместе с ним по их былой, наполненной риском, адреналином жизни? Ей захотелось разнообразия? Или она просто соскучилась по настоящей работе? Он получил от нее лишь коротенькое электронное письмо: «Приеду 1 октября. Целую, Юля». Он пытался дозвониться до нее, но связи не было.

Женя Жукова, его теперешняя помощница, с которой они раскрыли уже не одно преступление, заметно скрашивала его серые будни и оживляла прежде скучную и унылую половую жизнь. Они виделись часто, почти каждый день, делали одно дело, ели одни бутерброды, которые она очень быстро научилась готовить в микроволновке, пили один кофе и спали чаще всего в одной постели. Игорю было с ней легко, как ни с одной женщиной. И все по одной, отвратительной и гнусной, как он считал, причине: он не любил ее. С Земцовой в свое время было все много сложнее. Их роман, вернее, даже миниатюрные романы, которые вспыхивали чаще всего по желанию и настроению Юли, яркой вспышкой осветив мужскую, физиологическую сторону Шубина, по мере остывания чувств этой прелестной молодой женщины, приобретали какой-то неестественный блеск – постепенно все угасало, не оставляя даже пепла. Она горела для другого, и Шубин это знал. И вот сейчас этот другой, верно, будет сопровождать ее в этой провинциально-сентиментальной поездке. Крымов не упустит возможности продемонстрировать перед своим другом Шубиным (иначе и невозможно!) свою вновь обретенную собственность, да только теперь удвоенную с его же помощью... Юля и ее маленькая дочка. Он представил себе почему-то резинового пупса в кружевах – образ натуральной крошки женского пола почему-то не удавался...

Вот они приехали, размышлял он, вошли в приемную, расселись по диванам. Женя угощает их закусками (бедняжка, она изведется, пока дождется их, и будет умирать от ревности, прислуживая своей сопернице), все выпили, поговорили о делах, о ребенке... Что дальше?

Дальше он ничего не видел и не чувствовал. Больше всего он боялся фальши, а потому должен был настроиться на встречу с большим оптимизмом и отсутствием той растущей с каждой минутой неприязни, которую он начинал испытывать к своему другу Крымову. Ревность сжигала его, испепеляла. И лишь присутствие рядом хладнокровной и уравновешенной Жени Жуковой еще спасало от неразумного поступка – бросить все к чертовой матери и скрыться с глаз долой... Он боялся признаться себе в том, что не готов к этой встрече. Он не хотел видеть прозрачных голубых глаз красавца Крымова, его улыбки, которая сводила с ума женщин и раздражала мужчин. Он не мог допустить, чтобы тот с видом хозяина (хотя агентство ему уже давно не принадлежит!) развалился в кресле с немимым вопросом на губах: «Ну-у-с, как вы тут без меня?» Хотя существовала и другая сторона их отношений – Крымов—Земцова—Шубин, – которая не могла не приниматься в расчет. Они были друзьями. Несмотря ни на что. Близкие отношения, которые вспыхивали между Земцовой и Шубиным, между Шубиным и бывшей секретаршей Щукиной, между Крымовым и Щукиной, – все это теперь приобрело холодновато-снежный налет давности, забытости и всепрощения. Что было – то прошло. Он был уверен, что никто из них, из прежней четверки, составлявшей костяк частного детективного «крымовского» тогда еще агентства, не жалел ни о чем. Разве что Щукина теперь наверняка кусала локти – она предала всех ради того, чтобы погреть руки на деле о драгоценностях великой балерины Матильды Кшесинской...

– Все, приехали... – услышал он взволнованный голос Жени и очнулся. Воспоминания, в которые он с таким удовольствием погрузился, плавно перешли в другое измерение – сон.

– Приехали? – он вскочил с дивана и подошел к окну. Красные листья рябины закрывали половину окна, но он все же увидел белый «Мерседес», из которого вышла сначала одна женщина, ведущая за ручку малышку в красном комбинезоне, затем – другая, с грудным младенцем на руках.

– У нее что, уже двое детей? – спросила Женя, не веря своим глазам.

– Смотри, они закрыли дверцы... А Крымова я что-то не вижу...

– Какая из них Земцова? – спросила Женя. – Мне встретить их?

– Да-да, конечно!

Шубин видел нарядно одетую молодую даму во всем синем: костюм, туфельки, перчатки... *Это она!* И он сам бросился им навстречу. Сам распахнул двери, но тут же отшатнулся, когда понял, что ошибся. Из двух дам ни одна не была Земцовой. Или же он забыл, как она выглядит? Он усмехнулся этой нелепой мысли.

– Игорь? – спросила женщина, что постарше, с трагическим выражением на лице. – Игорь, вы помните меня?

Он вспомнил, и настроение его резко упало. Визит этой дамы оставил в его душе неприятный осадок. Быть может, потому, что он мысленно поставил себя на место ее мужа?..

Ее звали Лида. Он хорошо запомнил это, потому что прежде не был знаком с женщинами, носившими это редкое имя. Она приходила буквально несколько дней тому назад с одной весьма деликатной просьбой. Она попросила Игоря отдать на исследование волосы, которые она обнаружила на подушке в своей квартире, чтобы специалисты смогли определить, откуда они (с какого места человеческого тела) и человеку какого пола принадлежат.

– Понимаете, я предполагаю, что это волосы с лобка женщины, – сказала она тогда, невероятно краснея и испытывая, должно быть, одну из самых унижительных минут своей жизни. – Пожалуйста, попросите своих знакомых из НИЛСЭ исследовать *это*... Для меня это очень, очень важно... Я вам хорошо заплачу.

Игорь взял два конверта, в которых, по словам посетительницы, были разные волосы: в одном – два длинных, в другом – три коротких. Длинные (со слов Лиды) – с головы неизвестной ей женщины, взятые с подушки супружеского ложа, короткие – с лобка этой же женщины, предположительно, любовницы мужа... И тут произошел казус. Игорь открыл конверты (ни один из них не был заклеен) и обнаружил, что они совершенно пусты. Надо было видеть, как смутилась бедняжка... Она, бормоча извинения, пулей вылетела из приемной. И вот теперь она пришла снова, только на этот раз с малышом за руку и с совсем юной женщиной, видимо, кормящей мамашей, на руках которой находился полугодовалый ребенок. Обе женщины были чрезвычайно серьезны. *Клиентки*. Он подумал, что в другой день он обрадовался бы появлению в их приемной потенциальных клиентов, но только не сегодня, когда голова его забита Земцовой и деталями из ее новой, совершенно неизвестной ему жизни.

– Проходите, пожалуйста.

Игорь пригласил их войти в свой кабинет, знаком приказывая Жене оставаться в приемной и ждать появления в агентстве более интересных для него гостей. Ему показалось, что на лице Жени промелькнула тень обиды, поскольку в последнее время она постоянно присутствовала в его кабинете как равный сотрудник и имела возможность услышать историю, приведшую к ним посетителей, из первых уст. Однако, подумал он, она должна простить его и понять: ведь они ожидают саму хозяйку агентства!

Он не был уверен, что должен в присутствии незнакомой ему молодой женщины сделать вид, что уже виделся прежде с Лидой – не в его привычках было проявлять инициативу, когда этого от него не требовалось. Он решил подождать, что скажет сама Лида. Но она первая назвала его по имени, значит, не скрывала своего с ним знакомства.

– Это моя подруга, ее зовут Наташа. Наташа Британ.

Наташа была совсем юной женщиной с детским лицом, нежной бледной кожей и красивыми карими глазами. Кончик носа ее порозовел, и Игорь решил, что она натерла его носовым платком, когда плакала. Короткие русые волосы ее были растрепаны. Он чувствовал, что женщин привела сюда беда.

– Да, я слушаю вас. Что-нибудь произошло?

– Да, – Наташа подняла голову и встретила глазами с Шубиным. Выдержала его спокойный и долгий взгляд, словно примериваясь и пытаясь понять, можно ли ему доверять,

после чего сказала: – Мой муж пропал. Британ Лев Иосифович. Может, слышали, он владелец сети продуктовых магазинов «Калина».

– И давно?

– Почти неделю тому назад.

– А точнее можно?

– Двадцать четвертого сентября, в среду. Ушел утром, как обычно, на работу, и вот до сих пор его нет. – Глаза ее наполнились слезами, которые тут же хлынули и оставили на нежных щеках две блестящих полосы. – У меня двое маленьких детей, – она обняла и прижала к себе малыша и машинально погладила по голове сидящую на коленях Лиды девочку (Игорь заметил в ушах ребенка крохотные красные сережки).

– Такое случалось прежде? Ваш муж исчезал? Скажем, по делам, не предупредив вас?

– Нет, конечно, нет. Лева – хороший семьянин, он очень любит нас...

– Что говорят на работе?

– Там все в панике... Всеми делами сейчас занимается его заместитель и друг, Ренат Мустафин, он и своих людей подключил из милиции, прокуратуры, все ищут Леву, но пока что нет никаких результатов...

– Когда вы видели его в последний раз?

– Двадцать четвертого сентября, утром. Как обычно, покормила его завтраком и отправила на работу.

– Он вам ничего не рассказывал о своих делах? У него не было неприятностей на работе? Может, ему кто угрожал?

Наташа усмехнулась, достала платок и высморкалась. Ребенок на ее руках строил окружающим замысловатые рожицы – словно экспериментируя, он двигал своими щеками, ртом, подбородком и глазами в разные стороны. Игорь подумал тогда, что у Земцовой должны быть более красивые дети, чем этот толстый, неприятный и какой-то мультяшный младенец.

– Вы задаете мне такие же вопросы, как и в милиции. Я понимаю, что это необходимо... Нет, Лева никто не угрожал. Да и вообще, мне кажется, что время бандитов и «крыш» ушло. У моего мужа хорошо налаженный бизнес, можно даже сказать, что он процветает. Магазины сети «Калина» отличаются от остальных низкими ценами и огромным ассортиментом. Лева – очень талантливый человек, и за что бы он ни брался, у него всегда все получалось... – тут она закусила губу, и Шубин понял, что сейчас последует новая порция слез. Однако Наташа взяла себя в руки и, словно поддерживая самое себя, крепко прижала к себе сына. – Я не сказала главного – он звонил мне в тот день...

– Ты Расскажи, Расскажи, тем более что я могу подтвердить это, – подала голос до этого молчавшая Лида. – Он же звонил в тот день!

– Да? И когда же?

– Вечером, точное время мы с Лидой так и не сумели вспомнить. Наверно, после десяти. Он позвонил мне со своего мобильного... Слышимость была отвратительная, и я сразу поняла, что он где-то за городом. Но это был он... Лева позвонил мне на сотовый...

– У вас нет обычного телефона?

– Есть, но несколько дней телефон не работал, чинили линию... Поэтому-то он и позвонил мне на сотовый, который я включала, как только просыпалась... Мы так договорились. У Кати была температура, и Лева очень беспокоился, без конца звонил, спрашивал, как у нее дела... Так вот, он позвонил – слышимость, как я уже сказала, была отвратительная, но я разобрала, что он задержится, что они с друзьями у кого-то в гостях, в бане... Я даже слышала характерные звуки, знаете, такие, как если бы звонили с улицы, шум ветра или листвы... Он точно стоял на улице, я знаю эти звуки... Так же звучит, когда он звонит мне с нашей дачи...

– Он часто так оставался на ночь с друзьями где-нибудь в гостях, в бане?

– Нет, но бывало. Я понимаю, что вы хотите сказать... Нет, я верю своему мужу. У нас с Левого хорошие отношения. Мы поженились по любви, он на пятнадцать лет старше меня: ему сейчас тридцать семь, а мне – двадцать два. Если он и задерживается с кем-то и где-то, я знаю – так нужно для его бизнеса. У нас же все важные вопросы решаются за столом. Поэтому я даже рада, что он вместо того, чтобы возвращаться ночью в подпитии, остается где-то... У нас столько знакомых попадали в аварии!

– Я тоже могу подтвердить, что Лева – мужчина положительный, почти идеальный. Понимаете? Мы дружим семьями – мой муж, Андрей, и Лева – друзья. Наташа вся извелась за эту неделю, все плачет... Вот я и посоветовала ей обратиться к вам. Милиция – милицией, пусть ищут, но время идет, а результатов – никаких...

– Может, это похищение? – спросила Наташа. – Но тогда почему никто не звонит и не требует выкупа?

– На похищение-то не похоже, – подтвердила Лида.

Шубин слушал их и думал. Прошла неделя, а муж до сих пор не дал о себе знать. Человек он не бедный, мог бы позвонить откуда угодно или послать человека предупредить, что он где-то задержался, мало ли... То беспокоился о температурившей дочке, а то вдруг пропал. И пропал после бани с друзьями. Выпили, поговорили на острые темы, подрались? Все возможно. Или возвращался на следующий день один, на него напали те, кто знал заведомо, кто он, ограбили, избили, и теперь он с проломленной головой либо бродит где-то, не помня своего имени, либо – умер... Неделя – большой срок для такого серьезного и делового человека, к тому же еще отца двух маленьких детей. Но пока тело не найдут, он не имеет права расстраивать и без того не просыхающую от слез молодую жену.

– Если не похищение, так это еще лучше – остается надежда...

– Но где он может быть, где? – не унималась Лида. – Даже за городом везде есть телефоны, он же мог хотя бы позвонить...

– Далеко не везде есть телефоны, во-первых, во-вторых, он с друзьями мог застрять в какой-нибудь деревне, где после дождя грязи по уши... Машина могла сломаться... – Игорь вдруг понял, что не может больше продолжать в таком же духе. Больше того, он почувствовал, как в кабинете пронесся быстрый ледяной ветерок – повеяло смертью. – Давайте-ка лучше все запишем... Полное имя, год его рождения, фамилии, адреса и телефоны его друзей, сотрудников, начнем с его зама – Мустафина...

После того как все было записано, Игорь ознакомил Наташу с условиями работы, взял аванс в пять тысяч долларов и, пообещав держать ее в курсе дела, проводил до двери. Наташа вышла, но Лида, как он и предполагал, чуть задержалась.

– Вы знаете, Игорь, мне так неудобно за мой прежний визит, – шепнула она, приближаясь к нему совсем близко, так, что он успел заметить, что она, оказывается, еще довольно молода, на лице почти нет морщин, а глаза – огромные, зеленые, цвета весеннего молодого мха. – Понятия не имею, куда они делись...

– Вы подозреваете своего мужа? Я могу предложить вам проследить за ним.

– Я знаю, но боюсь.

Она боялась знать правду. Что ж, он отлично понимал ее.

– Но если что, я к вам обращусь... Я слышала о вашей работе и рада, что у нас в городе есть такое агентство. Будем надеяться, что Левушка найдется. Вы бы знали, какой это хороший человек...

Они попрощались, Игорь видел, как Женя провожает женщин к выходу, как возвращается, как двигается к нему с непонятным выражением на лице. Она словно хочет ему что-то сказать. И тут он понял: в приемной есть кто-то еще. Он заглянул за дверь и увидел сидящую на кожаном диване девушку в джинсовом костюме. Стриженные волосы, тонкое лицо,

пухлые губы. В руках зажата молодежная, с яркой вышивкой сумка. На ногах – рыжие мягкие ботинки.

– К вам еще одна посетительница, – представила девушку Женя. – Говорит, что пришла сюда первый раз...

Посетительница поднялась с дивана, и Шубин, потеряв голову, ошеломленный тем впечатлением, которое произвела на него выпавшая из картинки его прошлой жизни девушка, крепко обнял ее и прижал к себе:

– Привет.

– Привет, – ответила Земцова. – Ужасно рада тебя видеть.

Женя прикусила губу. Не такой представляла она себе красотку Земцову. Бледная, одетая как подросток, совсем юная. И это – вместо женщины-вамп? Она казалась разочарованной.

– Мы ждали тебя со всем твоим семейством, – пробормотал Игорь, все еще не веря, что видит перед собой прежнюю Юлю.

– Машеньку оставила в Москве у мамы, Крымов – в Лондоне, а мне поручено привести в порядок его дом... К тому же надо бы отремонтировать и свою квартиру. Так что дела семейные – дела скучные и неинтересные.

– Ты на чем?

– На такси! Прямо с самолета.

– Что же ты не позвонила, мы бы тебя встретили!

– Ты еще скажи – с цветами и оркестром, – улыбнулась Юля и прижалась к Шубину, не обращая никакого внимания на стоящую в шаге от нее Женю.

– Насчет оркестра – это круто, конечно, но вот цветы – есть...

Игорь открыл шкаф и достал оттуда огромный букет роз, который томился в ведре с водой с самого утра и ждал своего часа.

– Это тебе, Юлечка! Женя, – он наконец-то вспомнил про Женю, – Женечка, познакомься, это Юлия Земцова.

– Я поняла, – слегка осипшим от волнения голосом проговорила Женя, густо краснея. – Накрывать?

– Да, накрывать... Но сначала запри дверь...

Шубин помог Жене накрыть стол, разлили коньяк, выпили, закусили икрой и рыбой.

– Как же здесь у вас хорошо, – сказала Юля. – Никуда бы не уезжала... Знаешь, мне иногда кажется, что та Земцова, что живет Париже и гуляет с коляской по Булонскому лесу, – не я, а совершенно другая женщина. Понимаешь, там все совсем по-другому. Другой воздух, другие жизненные принципы, другие критерии красоты, другие деньги, другие ценности... Там по утрам я пью минеральную воду и ем листья салата, в то время как здесь меня тянет на такую экзотику, как копченое сало с маринованными огурчиками...

– Ты снова беременна? – Шубин ласково провел ладонью по ее щеке.

– Нет, во всяком случае, надеюсь, что нет. Что ты думаешь об этом Леве Британе?

Это было так неожиданно, что Игорь выронил из рук вилку, которой пытался подцепить ломтик ветчины.

– А ты откуда знаешь?

– Оттуда же, откуда и ты, – я все слышала.

Женя смотрела на нее во все глаза. Она не понимала, как и Шубин, как можно было, находясь в приемной, за толстой дверью, что-либо услышать в кабинете Шубина.

– Это тебе, – Юля протянула Шубину обыкновенную на вид шариковую ручку. – Отличное устройство. Подарок от Крымова.

– Ты хочешь сказать, – до Игоря начало доходить, – что, сидя вот здесь, в приемной, ты подслушала весь разговор, который происходил за стеной?

– Да, представь себе. У Крымова полным-полно всяких штучек, которыми он пользуется для своей работы.

– А чем он сейчас занимается?

– Всем, – уклончиво ответила Земцова. – Всем понемногу. Пишет, ты же знаешь... А параллельно устраивает какие-то дела, к нему часто обращаются... Я и сама, правда, до сих пор никак не пойму, чем же конкретно он занимается. У него повсюду связи, друзья, он вот уже несколько лет как живет в самолете...

– Много летает?

– Много – это не то слово. Сегодня он дома, в парижской квартире, а завтра – в Вене или Берне. У него, я думаю, очень интересная, насыщенная жизнь, и он ею вполне доволен.

– А ты? Ты довольна своей?

– Конечно! У меня же теперь есть Машенька. Знаешь, у нее темные волосы и голубые глаза, и это удивительно...

У Шубина аж дух перехватило от той волны нежности, которую он испытывал, глядя на сидящую совсем рядом с ним Земцову. Но как же сковывала его Женя! Как же он хотел, чтобы она исчезла, растворилась, улетучилась, сообразила, что им хочется побыть вдвоем...

– Тебе нужна моя помощь?

– Нет, спасибо. Женька дал мне координаты одного человека, который найдет мне хорошего дизайнера, мастеров, чтобы привести в порядок, как я уже говорила, его загородный дом. Параллельно отремонтирую свою квартиру. А пока, если ты позволишь, поживу у тебя...

– Ушам своим не верю, – покраснел вместе с лысиной Шубин. – Этого просто не может быть... Ты – и вдруг в моей холостяцкой квартире?

Он тут же почувствовал, как Женин взгляд буквально прожигает его висок. Как же, должно быть, Женя ненавидела его в эту минуту! Холостяцкая квартира? И это после того, как она там все отдраила и навела идеальный порядок? Выстирала занавеси, почистила ковры и купила красивое покрывало на кровать? Теперь она ему никогда не простит этого предательства. Если по-хорошему, то он должен был представить Юле Женю как свою подругу, подразумевая, по меньшей мере, *любовницу*.

– ...если, конечно, твоя подруга позволит, а? – вдруг услышал он. – Не смотри на меня так, – на этот раз Земцова обратилась уже к самой Жене, – мы с Игорем большие друзья. Я же все понимаю... На вас достаточно посмотреть, чтобы все понять, – Юля улыбнулась и подмигнула совершенно сбитой с толку Жене Жуковой. – Не надо на меня злиться и расценивать мои слова и объятия так, как ты их сейчас расцениваешь... Я догадываюсь, что вы с Шубиным много успели сделать, пока я прохлаждалась в Европе. Не знаю, поверите ли вы мне или нет, но мне тоже ужасно хочется принять участие в поисках этого Британа. Его нет уже целую неделю... Мне лично думается, что его уже нет в живых. Что скажете? Вы берете меня в свою компанию?

Женя порывистым движением вскочила со своего места и схватила Юлю за руку:

– Знаешь, это было бы классно! Ничего, что я на «ты»? – она стояла розовая от смущения.

– Нормально. Здесь все и всегда были друг с другом на «ты». С чего начнем?

– Думаю, с Рената, его зама, – ответил Шубин, наливая всем еще коньяку. – Черт, ущипни же меня! Неужели это ты?

Раздался телефонный звонок. Женя взяла трубку. Глаза ее округлились, и она, едва дыша, произнесла:

– Это тебя... – и протянула трубку Земцовой. – Крымов...

Глава 2

Лиде Погодиной не так давно исполнилось сорок лет, и этот свой рубеж, как она считала, между молодостью и старостью, она восприняла очень болезненно. И хотя кожа ее еще продолжала оставаться нежной и почти без морщин, она сама, внутри себя, чувствовала себя очень старой. Из рассказов подруг она знала, что большинство женщин чувствует себя в ее возрасте как раз наоборот: душа остается по-прежнему молодой, а вот тело предательски обнаруживает свои годы. Лида вдруг прекратила жить мечтами и надеждами и поняла, что главное для нее теперь – ощущать каждый прожитый день. И если раньше она постоянно куда-то стремилась и топила мысли о предстоящей старости и даже смерти в каждодневной суете, полагая, что живет правильно, то сейчас она стала заметно медлительнее. Причем она замедлила свою новую жизнь намеренно, осознанно и очень жалела, что так поздно сделала ряд жизненно важных для себя открытий. Главное ее открытие заключалось в том, что она в одно прекрасное (иначе и не назовешь!) утро поняла, что никогда не любила, не любит и не будет любить своего мужа Андрея. Но странное дело, осознав это и даже успев на какие-то доли секунды почувствовать сладость этого открытия, она не только не расстроилась, не ощутила себя в чем-то ущемленной и обделенной, но как раз наоборот: голову ее вскружило от сознания полной свободы. Она словно увидела перед собой залитую солнечным светом длинную, в золотисто-багряных, великолепных осенних тонах аллею, уходящую далеко за горизонт, – такой ей представлялся теперь ее новый одинокий и восхитительно свободный путь. Она села на постели, тряхнула волосами и поняла, что только и начинает жить. За стеной на кухне варил себе кофе муж, что-то напевая. В ванной шумела оставленная им литься вода, по квартире распространялся запах мыла и зубной пасты. Обычное утро, каких было много в ее жизни. Каждый день все повторялось, и это воспринималось как норма, как внутренний порядок, которому должно подчиняться чуть ли не все человечество. Хотя на самом деле где-то там, далеко за домами и деревьями, плескалось совершенно другое море – море свободных и ярко живущих людей. Оставалось только сделать выбор... Но как сказать мужу, что сегодня утром к ней пришло озарение и что теперь она хочет жить одна? Детей у них нет, поэтому хотя бы с этими заботами у нее проблем не будет. Они разойдутся тихо и мирно, как приличные и воспитанные люди. Лида соберет свои вещи и уйдет в снятую на время квартиру. Андрей, если захочет, останется жить в этой квартире, где они прожили больше пятнадцати лет, но тогда ему придется смириться с тем, что все накопленные ими деньги будут поделены таким образом, чтобы хватило средств на покупку квартиры для Лиды. Лида продолжит работать финансовым директором своей фирмы, а Андрей будет зарабатывать себе на жизнь программистом, как и сейчас. Возможно, они будут ходить друг к другу в гости, на чай, на ужин, беседовать... Но тогда их разговоры примут более приятный оттенок – ведь тогда они будут встречаться как испытанные друзья или любовники. Возможно, тогда Андрей станет оказывать ей, своей бывшей жене, больше знаков внимания и, собираясь к ней на свидание (если, конечно, к тому времени он не очнется и не заведет себе от внезапно обрушившегося на него чувства одиночества какую-нибудь женщину с крашеными волосами и неизменной сигаретой в зубах), купит в ближайшем цветочном магазине герберы, а в гастрономе – бутылку шампанского и торт. Все лучше, чем скучать вдвоем, зная о том, что ничего уже в их жизни не произойдет яркого, неожиданного, что встряхнет их и заставит кровь быстрее бежать по жилам. Может, и он влюбится, или она...

Лида просидела так на кровати довольно долго, представляя себе свою будущую жизнь. Ее фантазия, перескочив галопом все принципиально важные этапы объяснения и самого развода, уже раскладывала на столе ее предполагаемого будущего образцы новых занавесок, которые она повесит у себя в спальне... Когда же она купила и поставила возле

нового испанского унитаза санитарного утенка, жутко пахнущего хлоркой, Андрей позвал ее завтракать.

– Как ты думаешь, мы смогли бы жить с тобой порознь? – спросила она его, запахивая халат и усаживаясь за накрытый стол, пытаясь найти в окружающем ее пространстве какой-нибудь инициированный мужем изъян (но все, к ее несчастью, казалось просто идеальным: кофе в чашках, нарезанная тонкими ломтиками ветчина, сыр, хлеб). – А?

– Думаю, что нет, все-таки прожили вместе так долго, – ответил ничего не подозревающий муж, намазывая на хлеб масло и даже не глядя в сторону жены с видом человека, на двести процентов уверенного в том, что и на следующий день он будет вот точно так же намазывать масло на хлеб и пить кофе в привычной компании с женой. *Бедняжка, ведь он еще не знает, что я собираюсь предложить ему разойтись...*

– Люди живут и по сорок лет, а потом расходятся... – начала она потихоньку свои игрушечные военные действия, медленно и нерешительно продвигаясь в стан своего потенциального врага.

– Ну и пусть себе расходятся... – улыбнулся каким-то своим мыслям Андрей, и Лида поняла, что, бросая ей пустые фразы и словно из вежливости поддерживая этот нелепый разговор, он думает в это время о чем-то другом, ей неизвестном, и на нее холодной волной накатила злость. – Собирайся быстрее, уже опаздываем...

Обычно он ее отвозил на работу, но на этот раз она хотела поехать одна, на своей машине. Пусть даже ей придется сейчас открывать тяжелые замки их старого гаража во дворе, осматривать машину, выкатывать ее на посыпанную щебенкой дорожку и пытаться ее завести. Она должна теперь учиться жить самостоятельно...

Однако она и не заметила, как быстро собралась и уже через несколько минут стояла возле двери одетая, готовая сесть в машину мужа, чтобы он отвез ее на работу. Поход в гараж и свидание с машиной она отложила на вечер. *Мне надо подготовиться к такому ответственному шагу психологически. Зачем спешить?*

На работе, запершись в кабинете с чашкой кофе, она дала себе волю помечтать, пофантазировать, поплавать в ею же придуманной новой жизни. Но, как это ни странно, что бы она себе ни представляла, о чем бы конкретно ни думала, повсюду маячила тень Андрея. Это он прибавал полку в кладовке, которая непременно будет в ее новой квартире. Он же соберет и мебель в гостиную, привинтит ножки к итальянской кровати, покрасит стены на лоджии... Именно с ним она отметит свое новоселье и будет пить коньяк, заедая его виноградом...

В дверь постучали. Она открыла и впустила в кабинет нового сотрудника – талантливого экономиста, молодого, тридцатипятилетнего Михаила Ильича Юданова. Так сложилось, что она сразу стала звать его только по имени, без отчества – Михаилом, а потом и вовсе Мишей. Миша был худым, поджарым, со смуглыми руками, покрытыми черными густыми и шелковистыми на вид волосами. Лиду так и тянуло их погладить, она едва сдерживалась порой, чтобы не попросить его расстегнуть манжеты рубашки и показать ей руки, хотя бы до локтя, – такое вот странное желание. Он носит неизменно белые сорочки, темные костюмы, синие и красные галстуки, обувь предпочитает стильную и наверняка дорогую (в этом Лида мало что смыслила, поскольку обувь ее муж всегда покупал один, в отличие от остальной одежды, когда ему требовался ее совет). Миша немногословен, зато взгляды, которые он бросает на Лиду, многозначительные, длинные, раздевающие. У него серые глаза, тонкие розовые губы и крупный, идеальной формы нос. Волосы темные, с заметной проседью. Он принес ей документы на подпись, и пока она выводила фиолетовыми чернилами свою подпись на белой плотной бумаге очередного договора, ей нарисовалась картинка: они с Юдановым отмечают ее новоселье, пьют коньяк и заедают его виноградом. *Почему виноградом? Может, персиками?*

Прежде чем уйти, он задержался возле стола и, не глядя ей в лицо, вдруг спросил:

– Может, поужинаем сегодня где-нибудь?

Кинематографическая фраза, сообщающая героине, неважно какой, что она нравится, что ее хотят не только накормить, но и сделать с ней то, что и она вроде как хочет...

И вот тут-то Лида вдруг и увидела на одном из многочисленных экранов своего рвущегося на свободу сознания огромную, становящуюся все шире и шире трещину, глубокий и бездонный провал в ее отношениях с мужем. Материк их семейного благополучия развалился на две половины, и Андрей, прямо на глазах отдаляясь, превратился очень скоро в маленькую черную точку...

...Она открыла глаза и поняла, что лежит на столе, а в руке зажата туфля. Прохладный ветер, проникающий в ее кабинет из распахнутого в ненастный день окна, холодил голые бедра. Рядом стоял мужчина – он приводил себя в порядок не спеша, словно давно привык к таким вот профилактическим упражнениям на своем (*на моем!*) рабочем месте. Неужели все утренние мысли были связаны лишь с этим вот острым желанием, которое она испытывала к своему новому сотруднику?

Он поцеловал ее в губы, помог ей подняться и даже достал из-под стола другую туфлю.

– Господи, если бы ты только знала, как я ждал этого дня, – прошептал он, снова обнимая ее и целуя уши, затылок. – Думал, что никогда уже не дождусь. Так мы поужинаем сегодня?

– Конечно...

Она еще не знала, как ей себя с ним вести: сделать вид, что секс на рабочем столе с подчиненным для нее обычное дело, или же придать этому акту романтический оттенок. Одно казалось неоспоримым – она хотела бы, чтобы каждый ее рабочий день начинался именно так – с подписания документов...

Когда за Юдановым закрылась дверь, а она, уже застегнутая, что называется, на все пуговицы, заняла свое место на широком и удобном до безобразия кресле, в ее памяти всплыла одна сцена, которая в свое время потрясла ее не меньше той, что произошла сегодня в этом кабинете.

Это случилось всего пару дней тому назад. Был вечер, что-то около девяти. Андрей в гостиной смотрел телевизор. Окно спальни, где находилась в это время Лида, поливая фиалку на подоконнике, выходило на мрачный, похожий на заплесневевший колодец внутренний двор. Там, кроме ряда переполненных мусорных баков да спящих в тихих каменных нишах кошек, можно было встретить разве что роящегося в куче мусора бомжа или алкоголика. И вдруг – эта ослепительная пара. Мужчина и женщина. Он – во всем темном, она – в пальто в веселую красно-сине-белую клетку. Они целовались. Самозабвенно, страстно. Это зрелище так заворовило ее и возбудило, что она еще долго оставалась стоять возле окна, не в силах оставить свой наблюдательный пост в надежде, что эта пара продолжит выражать свои чувства вплоть до совокупления на свежем сентябрьском воздухе. Она не видела их лиц, но предположила почему-то, что они – люди не очень-то и молодые. Быть может, потому, что их объятия и поцелуи в глазах Лиды носили все же больше платонический характер. Что-то глубоко целомудренное крылось в движениях мужчины. Женщина же и вовсе казалась безвольной. Они явно от кого-то прятались, раз выбрали для свидания это неприглядное и вовсе уж неромантическое место среди мусорных баков. Эта сцена плюс шелковистые волосы на руках Юданова – неужели такой малости было вполне достаточно для того, чтобы она решила уйти от мужа и пуститься во все тяжкие? Со стороны, видимо, это вот так пошлово и выглядело бы. Но кто осудит ее, если она пока еще живет в мире с собой? Кто узнает, что она отдалась Юданову из желания как можно скорее порвать со старой своей жизнью и окунуться в новую, полную необузданных страстей?

В дверь постучали. Сердце ее чуть не выпрыгнуло, а внизу живота слабо шевельнулось новое, растущее в ней желание. Показалась секретарша Леночка с большим коричневым свертком в руках.

– Это вам, посыльный принес, а я расписалась.

– Что это?

– Думаю, вам это лучше известно... – Леночка как-то особенно уж приторно улыбнулась. – Наверно, это ваш муж прислал вам... Я знаю этого парня, он уже приносил цветы нашему главбуху и тоже от мужа... Если у вас сегодня не день рождения, значит, годовщина семейной жизни... Я угадала?

– Да уж... – Лида нерешительно приняла из ее рук сверток и прижала к груди. – Вам бы следователем работать в прокуратуре...

Оставшись одна, она развернула сверток – там были розы. Красные, желтые, белые, розовые и почти черные. Огромный, немыслимой красоты букет. И записка: «*Я счастлив. М.Ю.*»

Домой она шла с букетом, не зная даже, как объяснит его появление, но и не желая расставаться с ним. Решила, что скажет мужу, будто бы купила его сама для себя, не смогла удержаться, чтобы не принести в дом такую красоту. Она возвращалась домой поздно, гораздо позднее, чем обычно, но Андрей, к счастью, даже не позвонил и не поинтересовался, почему она так задерживается. Это означало, что его либо самого нет дома, либо он так увлекся на кухне, готовя ужин, что не заметил, как за окном стемнело... А припозднилась она из-за того, что за минуту до того, как она собиралась уже выйти из кабинета, чтобы отправиться домой, к ней вновь заглянул Юданов. Он сказал, что Леночка ушла, что в офисе осталась только охрана, после чего снова, как и утром, запер дверь и набросился на нее, повалил теперь уже не на стол, а на диван. Но его грубость и напор лишь возбудили ее...

Теперь, когда она стояла перед дверью квартиры, в которой находился муж (она видела, как светятся все ее окна), первой ее мыслью было поскорее забраться в ванную комнату, снять с себя одежду и вымыться. Она ужасно боялась, что Андрей по запаху поймет, что она только что была с другим мужчиной. А тут еще цветы...

Она открыла дверь своим ключом и, оказавшись в прихожей, положила тяжелый букет прямо на пол, после чего, крикнув в пространство: «Я пришла, мне надо в ванную!», заперлась в ванной комнате и принялась срывать с себя одежду. Белье с чулками она сунула не в корзину для белья, как обычно, а под ванну... Рука ее наткнулась на что-то плотное, гладкое и прохладное. Она удивилась – под ванной у нее стояла всего лишь бутылочка с кислотой, которой она пользовалась, чтобы очистить стиральную машину от накипи. Что еще там может быть, помимо нее? Зная в своей квартире каждый предмет и его место, она внутри себя возмутилась тому, что кто-то посмел нарушить установленный ею раз и навсегда порядок, и, схватив это *нечто* пальцами, потащила из-под ванны. Но сделать это оказалось не так-то просто. Огромный, туго набитый, плотный пластиковый черный пакет, мягкий, но упругий, словно туда впихнули ватное одеяло, как минимум.

– Лида? – послышалось за дверью, и Лида замерла, боясь пошевелиться. Ей не хотелось прежде времени обращать на себя внимание и тем более поднимать шум из-за какого-то пакета. Главным для нее было вымыться и предстать перед мужем в чистом, незапятнанном виде, пусть даже и в халате. *Надо бы еще зубы почистить...*

– Да, милый, я скоро выйду, у меня тут небольшие неприятности... мне надо помыться...

– Я подожду... Учти, я все разогрел... – после этих слов она услышала, как муж удалился в сторону кухни.

Вот теперь можно было развернуть пакет. И тут же ее словно обожгло: она увидела кусок яркой драповой ткани в красно-сине-белую клетку. Она глубже запустила руку, хотела

вытряхнуть из пакета это пальто (она была уверена, что это то самое пальто, что было на той женщине, страстно целующейся с мужчиной во дворе ее дома!), но тут же отдернула... Посмотрела на свои пальцы – они были в чем-то липком и красном... *Кровь...*

Глава 3

Юля, приехав домой и встретившись с Шубиным, а вечером того же дня и с судмедэкспертом Чайкиным, еще одним своим верным другом, почувствовала себя помолодевшей, и радость, которую она копила все те часы, что провела в дороге, мечтая об этой встрече, выплеснулась уже ночью, когда она дремала на плече у Шубина, слезами неожиданного счастья. Ей не хотелось физической любви, на которой настаивал опьяневший от водки и нахлынувших воспоминаний Игорь, ей хотелось просто на время вернуться в те дни, когда они все вместе были отчаянно увлечены общим делом. На все попытки Шубина она отвечала тихим и немного виноватым смехом, прекрасно понимая, что не должна была приглашать его к себе на квартиру и позволять спать с ней в одной кровати. К тому же мысль о том, что Женя Жукова, теперешняя подружка Шубина, мается одна, понимая, где и с кем находится ее Игорь, остужала готовые вспыхнуть чувства. Наконец Шубин уgomонился и заснул. Юля выскользнула из постели, накинула на себя кофту и прошла на кухню. Стены ее квартиры словно превратились на какое-то время в сплошные экраны, на которых возникли сцены из настоящих боевиков – фрагментов из ее прошлой жизни, наполненных риском для жизни, тяжелыми физическими испытаниями, опасностями. Расследуя дела, связанные с преступлениями, команда тогда еще нового детективного агентства во главе с его организатором и руководителем Евгением Крымовым выкладывалась на полную катушку, не считаясь ни с чем. Надо было зарекомендовать себя в городе таким образом, чтобы отчаявшиеся найти помощь у милиции люди могли добиться справедливости, обратившись в агентство. Сколько невинных было посажено за решетку в то время, как настоящий убийца, к примеру, гулял на свободе. Сколько сил и средств было потрачено на поиски истинных преступников, чтобы невинных выпустили на свободу. Много дел было и об исчезновениях людей... Вот и сегодняшнее дело – пропал бизнесмен, отец маленьких детей. Вспомнив об этом, Юля вновь почувствовала неприятный холодок внутри – ей снова показалось, что она откуда-то знает, будто его нет в живых. И хотя часы показывали час ночи, она все же рискнула и позвонила старшему следователю прокуратуры Виктору Львовичу Корнилову, неофициально помогавшему агентству вот уже на протяжении нескольких лет и фактически состоявшему в штате.

– Корнилов слушает, – услышала она знакомый голос и почувствовала, как ее охватывает непонятное волнение.

– Виктор Львович, это я...

Пауза. Вероятно, Корнилов просыпался, приходил в себя и соображал, кто бы это мог ему позвонить в такой поздний час.

– Земцова, это ты, мать твою?

– Я... – она из сентиментальных чувств чуть не разрыдалась в трубку. – Но как вы меня узнали? Неужели по голосу?

– Интересно, как же еще? Ты где? В Париже? Лондоне? Где тебя черти носят?

– Я здесь, в Саратове.

– Мать твою... Ну надо же! Гудите небось в агентстве? Много выпили?

– Нет, я дома.

– Слушай, тебя же можно поздравить?

– Да, у меня дочка, Машенька. Она сейчас в Москве, у мамы...

– А ты здесь по какому делу? Крымов послал? Он же у нас деловой мужик, ни часу не может спокойно прожить. Какая нелегкая занесла тебя сюда?

– Я ужасно скучаю по работе, мне так хочется пожить немного здесь, прежней жизнью...

– Ностальгия, значит, – усмехнулся явно обрадованный ее звонку Корнилов. – У меня для тебя работы – по горло, можешь не сомневаться. Думаю, что ты и сама уже впряглась, раз звонишь мне...

– Пока еще нет, но собираюсь...

– Ты по делу Зориной?

– Нет... А что это за дело?

– Убийство, что же еще! Убили молодую бабу, красивую, богатую, бросили, как ненужный хлам, в посадках... Инна Зорина. Ушла из дома и не вернулась. Я уже слышать про такое не могу. Люди исчезают, словно снег тает. Но ее нашли. Застрелили женщину в голову. Стрелял явно не профессионал – попал в глаз, всю голову разнесло... Перед этим, понятное дело, изнасиловали. Как она оказалась в этих посадках – ума не приложу. Соседка, которая и забила тревогу, когда та не пришла ночевать, сказала, что Инна была женщиной очень осторожной, аккуратной, серьезной, она не могла вот так вот пойти с каким-то незнакомым мужиком в лес...

– Она замужем? – Юлия уже и забыла, что еще пару минут назад собиралась расспросить его о пропавшем Льве Британе, увлеклась рассказом Корнилова об убийстве женщины.

– Нет, полгода тому назад развелась. Муж у нее – немец. Она жила с ним три года в Германии, а потом разошлась, вернулась домой, да не с пустыми руками, по словам соседки... Мы проверили состояние ее банковских счетов – там действительно крупные вклады...

– Значит, это не из-за денег? Иначе бы заставили снять их, превратить в наличные...

– В том-то и дело... А у тебя какой вопрос, раз ты звонишь мне ночью?

– Британ... Слышали?

– Лева Британ. Да, я слышал, что он пропал. Но у того – бизнес. Надо подождать немного, может, еще сам объявится.

– Жена сказала, что он детей своих маленьких любит, не мог не позвонить. Семья для него – все.

– Да я знаю, разговаривал с Мустафиным...

– Да, это его зам. И что он говорит?

– Говорит, что Лева действительно большой любитель бани, что у него есть друзья, с которыми он ходил в парную, но без девочек, понимаешь, да? Он не пил, не гулял, говорят, характер у него нормальный, уживчивый, подчиненных никогда не обижал... Но враги-то всегда есть, когда у человека денежки водятся... Враги, завистники... У него же еще и жена, насколько мне известно, молодая, красивая...

– Я видела ее сегодня. Она приходила к Игорю.

– Понял... Если что узнаю – позвоню. Если ты что нароешь – спасибо скажу. Рад был тебя услышать. Думаю, свидимся в ближайшее время?

– Конечно.

Она положила трубку. Сна не было. Впору было выйти из дома и пойти искать Британа. Но она решила поступить по-другому – вызвала по телефону такси, оставила Игорю записку, что скоро вернется, а сама оделась и поехала на квартиру Шубина. Она знала, что там, брошенная и забытая всеми, мучается бессонницей Женя Жукова. Сколько раз, оставленная Крымовым, она сама обливалась слезами, переживала, воспринимая каждую его измену как конец своей жизни. Но время шло, раны затягивались, и она научилась принимать его таким, каков он есть. Она не стала рассказывать Шубину, что за последний год она сильно отдалась от Крымова, но продолжала жить с ним вместе, встречаясь, как и он, с другими. У нее в Париже было два любовника, которые и заполняли своей нежностью и заботой всю ее женскую жизнь. Ей было стыдно сознаться Шубину в том, что эта жизнь, как ни странно, ее устраивала, и что она, познав вкус полигамии, теперь не стала бы возвращаться к своим прежним жизненным принципам. Жизнь с одним мужем, пусть даже и любимым, лишала

ее определенной свободы, ставила ее на ступень ниже мужчины, и это сильно раздражало, вызывало протест. И зачем же рассказывать об этом Шубину?

Она позвонила в дверь, зная, что там не спят, – она видела два светящихся окна.

– Женя, это я, Земцова, открой.

Дверь сразу же распахнулась. Как она и предполагала, лицо Жени распухло от слез.

– Это ты зря, – сказала она прямо с порога. – Я и приехала к тебе, чтобы поговорить об этом... Тыпустишь меня?

– А где он? – Женя и сама, видно, застыдилась своего заплаканного вида и закрыла ладонями лицо.

– Он у меня. Пойми, мы должны были какое-то время побыть вдвоем, поговорить... Но у меня есть муж, во-первых, во-вторых, помимо мужа, существуют мужчины, с которыми я встречаюсь. Игорь ценен для меня не как мужчина, а как друг. Ты веришь мне?

– Чаю хочешь? – Женя взъерошила волосы на голове, как человек, только что узнавший, что смертельный диагноз, который ему поставили, – ошибка врача. – Проходи... Я все понимаю... Но все равно как-то неприятно...

В кухне за чаем Юля рассказала Жене много интересного из своей жизни, связанной с работой в Саратове.

Женя отошла, успокоилась и ближе к утру превратилась в веселую, остроумную и бойкую девушку, о которой Юле рассказывал Шубин. Порывистые движения и скоропалительные выводы, которыми она сыпала, рассказывая о том, чем занимались они в последнее время с Шубиным, какими расследованиями и с каким результатом, делало ее похожей на подростка-максималиста. Но подчас тон, который она употребляла, когда упоминала Игоря, превращал ее в маленькую, ревнивую, с замашками собственницы женщину.

Уснули они на одном диване, утомленные долгим разговором и счастливые от сознания того, что каждая из них нашла в лице предполагаемой соперницы – подругу.

Глава 4

В тот злополучный вечер Лида помимо того, что обнаружила у себя под ванной пакет с клетчатым пальто, увидела на стеклянной полочке все в той же ванной комнате женские золотые часы. Маленькие, изящные, браслет которых был усыпан бриллиантами и изумрудами. Если бы не тот характерный юдановский запах, который преследовал ее даже после того, как она тщательно вымылась, смывая со своего тела следы мужского семени, если бы не это, она бы непременно подняла шум и потребовала от мужа объяснений. Но в той ситуации, в которой она оказалась, разбирательства, упреки, сцены и тем более скандал казались преждевременными. Она вдруг поняла, что то недостающее звено на пути к своей цели уже практически найдено: теперь у нее появилась наконец серьезная причина для развода! Тяжело бросать идеального мужа, гораздо проще и легче развестись с подлецом, изменником, человеком без стыда и совести.

Она вышла из ванной комнаты закутанная в халат и собственные сомнения. Уж слишком удачно все складывалось, слишком уж стремительно ее скромный муж превращался из жертвы в преступника. И, увидев его, сидящего за столом в выжидательной позе перед тарелкой с жареным цыпленком, она снова почувствовала себя перед ним виноватой. Словно и не видела она на полочке часики, и не разворачивала пакет с клетчатым пальто...

– Ты так долго... Я уже три раза подогревал, не хотел есть один...

Он был такой домашний, привычно-заботливый, картинно-уютный, как начищенная до блеска кастрюлька с супом на плите. Ей вдруг захотелось ударить его, сильно, наотмашь... Чтобы только разрушить эти хрупкие декорации к спектаклю под названием «Семейная идиллия». Сейчас они склонятся над своими цыплятами: он, чья любовница носит дорогие золотые часики, и она, не успевшая остыть от объятий молодого, крепко пахнувшего спермой самца... Ничего себе семейка!

– Я не пересолил?

– Нет, что ты, в самый раз... Поддай мне, пожалуйста, хлеб...

– Знаешь, Лидочка, мне надо будет сейчас уйти, это очень важно... Один человек должен был привезти мне из Москвы диски с новыми программами. Может, придется ему поставить коньяк, посидеть... Я недолго.

– Да-да, конечно...

Она допивала чай, когда услышала, как он хлопнул дверью. Поужинал так быстро, как никогда. Она вернулась в ванную комнату, заглянула под ванну – пакета не было. Исчезли и часы.

Перебив посуду, Лида зашла в спальню, постелила постель, включила телевизор и легла. Она смотрела на экран, но видела перед собой Андрея с куриной ножкой в руке. Навязчивое видение вызвало прилив тошноты – такими непристойно жирными и отвратительными в проявлении своих физиологических особенностей показались ей его губы. Она повернулась на бок, подложив под голову локоть. И тут же увидела прямо перед своими глазами на подушке длинный светлый волос. Это был не ее волос. Молоденькая блондинка появилась в спальне и, с хозяйским видом откинув покрывало, легла рядом с Лидой. Появилась и тут же исчезла, потому что в нескольких сантиметрах от этого волоса она обнаружила еще один, но только короткий, рыжий и жесткий, как проволока. Нетрудно было догадаться, что это волосок с лобка этой длинноногой и, судя по всему, натуральной блондинки. Осмотрев постель, Лида нашла еще один длинный и два коротких волоска. *Эта сучка лежала на моих подушках и простынях!..*

Но сколько она ни силилась, представить своего Андрея с другой женщиной у нее так и не получилось. Мысли ее постоянно возвращались к пакету с пальто. Ведь оно было в

крови. Ну не приснилось же ей все это! Она пожалела, что не прихватила хотя бы часики, которые сейчас послужили бы ей доказательством того, что она в здравом рассудке и что посторонние предметы, которыми была не так давно нафарширована ее ванная комната, – не плод ее воспаленного воображения. А спешный уход мужа на ночь глядя? Куда он пошел? С кем у него встреча? И почему пальто было в крови?

Она снова подошла к тому самому окну, где стояла в тот вечер, когда увидела внизу во дворе целующуюся парочку. Если бы Андрея тогда не было дома, она могла бы предположить (обнаружив пакет с пальто), что это он целовался там, среди мусорных баков с обладательницей клетчатой одежды, вероятно любовницей. Но он был дома, и то, чем занималась под их окнами влюбленная пара, его не касалось. Как не касалось ее – посторонней наблюдательницы.

Но она же мыла руку, испачканную кровью. И вода на несколько секунд была розовой... Но как спросить об этом сейчас, когда, что называется, поезд ушел, когда в ванной нет ни одной «улики»? Как она докажет теперь Андрею, что видела что-то в ванной комнате? Он посмеется над ней. «Какое еще клетчатое пальто, дорогуша? Что ты придумала? Ты задержалась после работы часа на три, сразу же спряталась в ванной, даже не поздоровавшись, потом вышла, съела приготовленный мною ужин, проводила меня сама до двери как ни в чем не бывало, а теперь, когда я вернулся, устраиваешь какой-то дурацкий допрос? Кровь на пальто? Ты случайно не пьяна?» Это была грубая пародия на тот разговор, который мог бы состояться по его возвращении. Но ведь она действительно выпила капелечку из одного бокала с Юдановым. Ей это было просто необходимо. Она нервничала, боялась идти домой, переживая, что на ее лбу будет жирными яркими буквами выведено: «Я только что переспала с другим». Разве можно в такой ситуации качать права и добиваться правды от человека, которого предала, обманула, наставила ему, наконец, рога?! Время было упущено, упущено! И ничем таким от нее не пахло, она сама внушила себе эту идиотскую мысль. И причина лишь в том, что у нее нет опыта измен, что она, в сущности, всегда была верной женой и не знала, как пахнут женщины, позволяющие себе много больше. Она вбила себе в голову, что глаза выдадут ее, в то время как другие женщины постоянно, изо дня в день изменяют своим мужьям и нисколько не переживают по этому поводу. Они переходят плавно из одних объятий в другие, нисколько не заботясь о том, что их кто-то в чем-то может заподозрить. Жена вернулась домой, поцеловала мужа в щеку, пошла к себе в спальню, переоделась в халатик, зашла в ванную, ополоснула рот, взбила волосы и появилась в кухне – этакая ласковая и чистенькая домашняя кошечка, готовая занять свое исходное положение за плитой ли, в постели, смотря какое у грозного мужа настроение... *Какие мои годы? Все придет в свое время...* Игра началась, и она со своим главным козырем – молодым любовником Юдановым – выиграет решающую партию, результатом которой станет мирный, тихий и необратимый развод с Андреем. Развод, после которого они с уже бывшим мужем, быть может, и станут друзьями. Она так думала, но чувствовала по-другому. На их супружеском ложе вновь разлеглась, нахально оголив ляжки, длинноволосая блондинка с рыжим пушистым треугольником... Вот только виртуального мужа покамест не было видно – он умчался куда-то с пакетом в руках и золотыми часиками в кармане. Куда? К кому? И все ли у нее, у Лиды, в порядке с мозгами, чтобы представить все то, что произошло в ее тяжелой от мыслей голове сегодня вечером? Да и была ли она в ванной комнате? Наш рассудок выдает подчас и не такие фортели! *Но вот сейчас я же держу в руках этот светлый волос... Может, мне его еще и куснуть, чтобы убедиться в том, что это реальный волос? Или ущипнуть себя?* Она вложила, распределив по типу, волосы в два конверта, еще не понимая до конца, как она намеревается с ними поступить. Мысль о частном детективном агентстве, где предприимчивые люди зарабатывают на жизнь тем, что отслеживают любовников, пришла одной из первой. А почему бы и нет? Но для начала надо бы убедиться в том, что это действительно

женские волосы... И хотя она и так прекрасно понимала, что уж, во всяком случае, длинный белый волос не может принадлежать мужчине, а потому и исследовать его как бы ни к чему, желание заявиться с конвертами в агентство, чтобы дать ход делу, связанному с изменой мужа, взяло верх.

Лида через знакомых узнала телефон бывшего «крымовского» агентства, выяснила, что человека, который на данный момент занимает кресло руководителя, зовут Игорь Шубин, и, не откладывая дела в долгий ящик, позвонила ему и договорилась о встрече на следующий день. Все, половина дела была сделана. Часы показывали уже половину двенадцатого ночи, а Андрея все не было. Спать не хотелось, оставалось смотреть телевизор. Переключая каналы, она испытала ни с чем не сравнимое чувство досады – на экране, почти на каждом из многочисленных каналов, развивался в разных направлениях один и тот же сюжет: Он и Она. Любовь входила в квартиры обывателей и призывала к страсти, мести, романтике или цинизму, в зависимости от того, кем были авторы кинематографической продукции – европейцами или американцами. Свадебно-приторный финал американского фильма на одном канале соперничал с размыто-безнадежным завершением какой-нибудь сюрреалистической дребедени скандинавского режиссера. И очень редко уставший от фильмовой мешанины зритель, нажав пальцем истертую кнопку телевизионного пульта, попадал вдруг, как в волшебное, полное истинного искусства окно, – в настоящий кинематографический шедевр...

Но на этот раз ничего подобного не случилось. Фильм с кремово-сладким названием «Колено Клер» привлек внимание, да и то ненадолго: раздался телефонный звонок. Уставшая прежде всего от собственных мыслей и сомнений, Лида схватила трубку, как единственное спасение – ей хотелось, чтобы хоть кто-то разбавил этот кошмарный вечер какими-нибудь не связанными с ней лично впечатлениями, новостями, пусть даже просто сплетнями. И ей повезло – она услышала встревоженный тоненький голосок своей подруги, Наташи Британ. Совсем еще молодая женщина, мама двух очаровательных крошек – Кати и Мити, она была в свое время представлена Лиде как жена друга Андрея – Левы Британа. Он был всего на четыре года моложе Андрея, которому чуть перевалило за сорок. Оба были когда-то страстно увлечены компьютерами, но, в отличие от Андрея, который так и не нашел в себе силы перестроиться и заняться бизнесом, Лев сумел вовремя найти деньги и построить первый супермаркет «Калина». Поговаривали, что он поначалу использовал бандитские деньги и что еще до дефолта успел, к счастью, расплатиться, но теперь это никого не волновало: Лева Британ вот уже несколько лет спокойно работал в своем бизнесе, развивая и расширяя сеть супермаркетов «Калина», не забывая заниматься благотворительностью и делать регулярные финансовые вливания в карманы конкретных крупных правительственных чиновников. Однажды, напившись в гостях у четы Погодиных, Лева в шутку назвал это «регулами», поначалу расхохотался собственной шутке, после чего вдруг схватил со стола хрустальную рюмку и разбил ее в пыль, швырнув с силой о мраморную столешницу кухонного стола. Его побледневшее лицо выражало отчетливо одну фразу: *без комментариев*. Взятничество уже давно стало одной из форм управления государством.

Лева женился, когда ему исполнилось тридцать пять, и взял себе в жены очень красивую девушку Наташу. Она была из хорошей семьи, мечтала о сценической карьере и даже собиралась пойти учиться на театральный факультет консерватории, но встреча с Левой, скоропалительный и бурный их роман спутали все ее планы – она вышла замуж (для свадьбы арендовали целый теплоход!), и вскоре появилась на свет девочка Катя. Когда она была еще грудной, Наташа, не успев оправиться от первой беременности, понесла еще одного ребенка – так родился сын Митя, которому исполнилось недавно полгодика. Никто, глядя на то, какими темпами увеличивается семья Британ, не сомневался в том, что Лева способен поставить на ноги не то что двух, но и пятерых детей, – настолько он был ответственен, заботлив

и нежен со своими домашними. Погодины дружили с Британами, часто встречались, и Лида, у которой не было детей, имела возможность насладиться возней с малютками, вызывавшими у нее самые теплые чувства. Она могла часами заниматься с детьми, помогать Наташе купать их, кормить и даже застирывать штанишки. Несмотря на довольно-таки большую разницу в возрасте, женщины прекрасно ладили, и подчас Лида с высоты своего житейского опыта подсказывала Наташе, как лучше поступить в каком-нибудь бытовом вопросе. Иногда, что случалось крайне редко, Наташа просила совета у Лиды по поводу своих отношений с мужем. Основной проблемой в семье Британ, как и в других семьях, где мужчина занимался серьезным бизнесом, было его частое отсутствие. «А ты как хотела, чтобы ничем не жертвовать и получать от жизни все? Нет, дорогая моя, так не бывает...» Наташа не обижалась, когда Лида пыталась урезонить ее этой жесткой правдой. Ведь в самом деле, в семье царил достаток; Наташа, к примеру, несколько раз в год ездила с мужем за границу, «чтобы развеяться», оставляя детей на попечении двух нянь. Благодаря няням же молодая мама имела возможность следить за собой и всегда выглядела свежей и отдохнувшей.

– Лида? Это я.

– Привет... Хорошо, что ты позвонила. Сна нет, настроение ужасное...

– Лида, – Наташа говорила очень тихо, видимо, чтобы не разбудить детей. – Ты не могла бы сейчас приехать ко мне и переночевать у меня?

– К тебе? Сейчас? Что-нибудь случилось? – Холодок пробежал где-то внутри. За все время, что они знали друг друга, Наташа еще ни разу не обращалась к ней с подобной просьбой. – Наташа, ты слышишь меня? Что случилось? Дети?

– Нет... Просто мне как-то не по себе... Какие-то страхи навалились... Нянь я отпустила, не могу их больше видеть... Дети спят, а мне напиться хочется...

Наташа не пила, и эта фраза резанула слух.

– Хорошо, я сейчас же приеду.

«Это к лучшему... Оставляю записку Андрею, а утром, на свежую голову, подумаю о том, что сделать с этими конвертами».

Она вызвала по телефону такси, написала записку Андрею и поехала к Наташе.

Глава 5

– Вы приехали к Наташе, и что она вам сказала? Чем была так встревожена?

Юля Земцова пригласила Лиду Погодину в кафе «Восток-Запад», чтобы задать ей несколько вопросов, связанных с семейством Британ. Кто как не самая близкая подруга в состоянии более-менее правдоподобно и объективно оценить то, какая обстановка царила в доме, каких людей она встречала у Британов, какие темы разговоров велись во время застолий.

– Да, как я уже сказала, я была удивлена, когда Наташа позвонила мне так поздно и попросила приехать. Я не знала, что и думать. Первое, что лезло в голову, заболел кто-нибудь из детей. Тем более, что накануне, когда мы разговаривали с ней по телефону, она сказала, что у Катюши температура, возможно, простуда...

Официантка принесла пирожные и горячий шоколад.

– Когда она открыла мне дверь, – Лида с каким-то отрешенным видом рассматривала кусок австрийского торта «Захер», вспоминая подробности описываемых событий, – по ее лицу я сразу поняла, что произошло нечто необычное... На мой вопрос «что случилось?» она пожала плечами и сказала: «Мне страшно, вот и все». Я прошла в детскую – дети уже спали, на столике я не заметила ни лекарств, ни даже градусника. «Понимаешь, – сказала Наташа, ежась, как если бы ей было холодно, – на душе как-то нехорошо... Звоню целый день Лева – он не отвечает. Длинные гудки, значит, телефон включен, но Лева почему-то не берет трубку. Я знаю, так иногда бывает, когда он оставляет телефон в машине, но уж слишком долго не отвечает... У меня какая-то пустота внутри... Представляешь, я не могу даже вспомнить, чтобы мы с ним вот так долго не переговаривались. Он, ты знаешь, никогда не экономит, а потому позволяет себе разговаривать по мобильнику так, как если бы это был обычный телефон. Где он? Почему не берет трубку?» Я была поражена ее реакцией на такой пустяк: подумаешь, муж задержался по работе! Такое случается во всех семьях сплошь и рядом. Лева все-таки бизнесмен. У него особый, не такой, как у других, стиль жизни. Я стала ее успокаивать, сказала, что причин для беспокойства нет, что все это ерунда, что ее Лева по сравнению с другими мужьями – просто ангел! Привела в пример своего мужа, который, кстати говоря, тоже считается добропорядочным семьянином, и то ушел на встречу с каким-то компьютерщиком и до сих пор его нет... Но она не успокаивалась. И вдруг – вы не поверите! – он позвонил!

– Кто? – не сразу поняла Юля. – Ваш муж?

– Нет, Лева! Наташа схватила трубку и некоторое время слушала молча, а я не могла понять, кто звонит... Потом лицо ее осветилось улыбкой, и она прошептала счастливо: «Это Лева, он с друзьями в бане, где-то за городом, решил остаться там ночевать, просил извинить его, что так долго не звонил – телефон не брал город... Убедись сама, какой стоит треск». Я взяла трубку и услышала, как Лева буквально кричит в трубку, но слышимость была очень плохая: мол, я здесь, стою на огороде, на возвышении, ты слышишь меня?

– Это действительно был его голос?

– Думаю, что да, но, повторяю, слышимость была отвратительная. А Наташа, по крайней мере, наконец успокоилась. Хотя и заметила еще раз, уже после того, как отключила трубку: сплошной треск...

– Ну вот! Я тоже думаю, что он застрял где-нибудь за городом, в деревне, раз стоял на огороде... Это в городе сейчас нет дождя, а где-нибудь в тридцати-пятидесяти километрах отсюда может быть даже гроза, и они просто не могут выехать. А вы подняли шум...

– Юля, вы же и сами понимаете, что прошло слишком много времени... К тому же он больше не звонил...

– Да, вы правы, мне просто хочется, чтобы ваш друг нашелся. Хотя в душе я вполне допускаю, что с ним стряслась беда. А то, что его жена вдруг вызвала вас поздно вечером, лишь подтверждает тот факт, что у нее сработала интуиция, ведь они были очень близки... Вот что вы сами чувствуете относительно Левы?

– Тревогу, – призналась Лида. – Правда, когда он кричал в трубку, я бы сказала, что у него хорошее настроение, по-моему, он даже был пьяненький, веселый...

– Надо опросить всех его знакомых и выяснить, с кем именно он мог поехать в баню, за город, да еще так далеко, что оттуда невозможно позвонить в город... Хотя эта деревня или дача могут находиться и близко от города, но в низине, согласны?

– Да. Юля, это правда, что вы сейчас живете в Париже?

– Правда... – Юля улыбнулась. – Но иногда страшно тянет домой, в Саратов, к своим друзьям, к работе...

– А какая там жизнь?

– Замечательная... Мне там нравится все. К тому же у меня родилась дочка, поэтому мне скучать не приходится.

– А Крымов? Я слышала, что у вас очень красивый муж, мне знакомые рассказывали...

– Женья? Да, почти Ален Делон со всеми вытекающими отсюда последствиями... Да-да, вы все правильно поняли. Но мужчины так устроены – им мало одной жены, какая бы красивая или умная она ни была. Поэтому я подумала-подумала и решила изменить своим принципам и стараться думать и чувствовать, как мужчины...

– Да? – Лида заметно оживилась, видно было, что ее заинтересовал этот разговор. – Ну и как, получается?

– Во всяком случае, так легче мириться с изменами мужа. Чувствуешь себя на равной с ним, понимаете?

– Конечно, понимаю... Хотя мой муж, как я всегда считала, не изменяет мне. Да и вообще, все эти мысли об изменах, об отсутствии любви стали появляться у меня ближе к сорока годам. Раньше мне казалось, что я самая любимая и желанная для Андрея... А вот в тот вечер... тот самый вечер, когда мне позвонила Наташа, я нашла на своей подушке длинный женский волос... и еще короткие... – она покраснела. – Мне было ужасно стыдно, но я все равно созвонилась с вашим Игорем и пришла к нему с конвертами, в которых находились эти волосы...

– Зачем?

– А вы не догадываетесь? Хотела, чтобы он отдал эти волосы на экспертизу, чтобы установить, кому именно они принадлежат.

– Если длинный, то наверняка женщине, – развела руками Юля. – Что именно вы хотели узнать?

– С какого места короткие жесткие волоски... Вот так... – Она перешла на шепот и замотала головой, как если бы у нее неожиданно заболели зубы. – Дурацкая история...

– И что же? Отдали Игорю?

– В том-то и дело, что нет!

– Передумали, – с пониманием кивнула Юля, – конечно...

– Нет, все получилось куда более нелепо, чем вы можете себе это представить! Я пришла в агентство, достала конверты, все объяснила Шубину, но конверты-то оказались пустыми! Волосы выпали из них! Они же не были заклеены... Вот, собственно, и все. Поэтому у меня нет теперь никаких доказательств измены моего мужа.

– А может, волосы ваши?

– Нет, у меня короче и рыжие, а этот – очень длинный...

– Вы кого-нибудь подозреваете?

– У меня нет знакомых женщин с такими длинными волосами. У Наташи – коротенькая стрижка, у остальных моих приятельниц – тоже короткие волосы... Но почему вы решили, что мой муж должен непременно завести себе любовницу из числа моих подруг?

– Опыт, – пожала плечами Земцова. – Опыт подсказывает, что искать любовницу мужа следует среди близких знакомых. Но очень может быть, что вы ошиблись и все эти волосы – все-таки ваши...

Замурлыкал мобильник Земцовой.

– Алле, – она, нахмутив брови, кого-то очень внимательно слушала, отодвинув от себя пустую чашку из-под шоколада. – Я так и знала, я чувствовала это... Хорошо, подъеду, как только освобожусь. Игорь уже там? Нет? Понятно...

Она отключила телефон, и по ее взгляду Лида поняла, что случилось нечто непоправимое.

– Лева? – спросила Лида.

– Да...

– Он погиб, судя по вашему лицу... – В голосе Лиды прозвучала какая-то обреченность. – Да?

– К сожалению, да... Тело нашли полчаса тому назад на окраине города возле бензоколонки.

Лида закрыла лицо руками и разрыдалась. Она и сама чувствовала, что с Левой что-то произошло, но все равно оказалась совершенно не подготовленной к такому известию.

– Не представляю себе, что теперь будет с Наташей... – она просто захлебывалась слезами. После чего достала платок и принялась шумно сморкаться.

Парень, разливающий чай за стойкой, не сводил с них любопытных глаз. Видимо, для этой тихой и мирной кондитерской слезы были редкостью, как и проявление вообще каких-либо сильных чувств. Юля поймала себя на том, что нисколько не удивилась звонку Корнилова, который и сообщил ей эту трагическую новость.

– И как же его убили? – спросила Лида, немного отдышавшись и приведя в порядок свое раскрасневшееся и мокрое лицо. – Господи, какой ужас...

– Его застрелили, – коротко ответила Юля.

– Мне надо поехать к Наташе... Вот только как же ей сообщить... Я же его отлично знала, у него не могло быть врагов, он был совершенно безобидным и очень добрым человеком... Это или кто-то ограбил его, или по пьяной лавочке. Леву не могли убить, он не должен был умереть сейчас, он так счастливо жил со своей женой... Теперь Катя и Митя – сироты...

– Если хотите, я могу поехать с вами... Хотя больше чем уверена, что Игорь уже у Наташи и она все знает... Можно позвонить ему...

Она набрала номер Шубина.

– Игорь? Это я... Да, все знаю. Ты сейчас где? Понятно... Я так и думала. Мы с Лидой Погодиной подъедем туда... Куда его повезли? К Чайкину? Подождите нас там...

Труп Левы Британа уже увезли в морг при медицинском университете. Въезжая во двор этого старинного здания, Юля ощутила неприятный холодок внутри – давно она не была здесь, не видела трупов, не разговаривала с циником-весельчаком Лешей Чайкиным, судмедэкспертом. Она и хотела, и немного боялась этой встречи...

– Земцова?! – Чайкин, увидев ее на пороге морга, расплылся в улыбке, словно Юля пришла не в морг, а к нему домой, скажем, на день рождения. – Ужасно рад тебя видеть! Проходите, – теперь он увидел и Лиду, – проходите, вас там уже ждут... Ваша подружка упала в обморок, ей совсем худо...

– Это ты про вдову? – Юля почувствовала, как защемило сердце. – Чайкин – ты совершенно бессердечный человек.

– Что поделать? Работа такая.

Лида, прикрыв рот платком и стараясь не дышать глубоко, вошла вслед за Земцовой в помещение морга. Она уловила, помимо стойкого отвратительного запаха, присущего моргам, еще один – посторонний, пряный, который она слышала как будто совсем недавно...

Лева лежал на металлическом столе, прикрытый до груди простыней. Изуродованное выстрелом в глаз лицо, черные потеки крови, доходящие до груди, представляли собой тяжелое зрелище. И тут она увидела Наташу. Ее вывел под руку Шубин. Наташа была бледная, взгляд – бессмысленный... Видно, ей сделали укол, после которого она воспринимала окружающее через пелену забытья.

– Наташа! – Лида рванулась к ней и обняла подругу. – Наташа, горе-то какое!

Она прижала ее к себе, словно этим жестом намеревалась облегчить ее страдания. Но Наташа не реагировала.

– Ее надо отвезти домой, – сказал Шубин, – и уложить в постель. У нее дома няня, дети... Пусть кто-нибудь останется с ней на ночь, необходимо, чтобы рядом кто-то был... Видите сами, какая реакция...

Он бережно, с рук на руки передал бесчувственную Наташу на попечение Лиды и повернулся к Юле. Она сразу же все поняла и проводила женщин до двери. Поговорила еще минуту с Лидой, после чего вернулась к Шубину и Леше Чайкину.

– Что скажешь? – этот вопрос она адресовала в первую очередь Леше. – Хотя я и сама смогу приблизительно определить, когда его убили...

– Интересно... – улыбнулся невозмутимый Чайкин, играя с клеенчатым поясом длинного, с бурными следами крови, прорезиненного фартука. – Ну и когда же?

– Несколько дней тому назад...

– Правильно, товарищ Земцова, пардон... госпожа Земцова...

Чайкин был пьян, но она не сразу это поняла. Вспомнились времена, когда она сама ради того, чтобы Чайкин занялся в первую очередь ее делами, приносила сюда водку, закуску... Вот человек и спился...

– С неделю тому назад... Убит господин Британ выстрелом в голову с близкого расстояния, почти в упор...

– Но это еще не все, – сказал Шубин, – привези девушку...

Чайкин прикатил из соседнего помещения еще один стол на колесах, на котором она увидела теперь уже женское тело. У этого трупа тоже отсутствовал глаз и полголовы было снесено, превращено в кровавую кашу...

– Да это же Инна Зорина, – вспомнила она свой ночной разговор с Корниловым. – Тот же способ убийства – в глаз... Думаешь, эти убийства как-то связаны?

– Да кто ж их знает, – вздохнул Шубин. – Но похоже на то, что это дело рук одного и того же убийцы...

– Я уже извлек пулю из головы этой бедняжки, – подал голос Леша Чайкин. – Осталось поработать с этим, мужским трупом...

– Представляешь, у него осталось двое маленьких детей... Это как же надо было ненавидеть человека, чтобы выстрелить прямо в лицо, в глаз?! – Юля переводила взгляд с одного трупа на другой и содрогалась, представляя себе сцену убийства. – Если выяснится, что их убил один и тот же человек, то останется узнать, в одно ли время были застрелены эти люди, и не убили ли их в одном помещении... Ведь трупы могли вывезти с места преступления намеренно...

– Ты знаешь что-нибудь про эту Зорину? – спросил Шубин. Он, в отличие от неунывающего Чайкина, выглядел подавленным.

– В общих чертах. Зорина приехала недавно из Германии, где развелась с мужем. Приехала с деньгами, но все деньги остались на вкладах, из чего Корнилов сделал вывод, что убийство совершено не из-за денег. А если не из-за денег, тогда из-за чего? Женщина моло-

дая, немногим больше двадцати лет, красивая, яркая брюнетка с белой кожей... Надо срочно выяснить, не пересекались ли где прежде Британ и Зорина, нет ли у них общих знакомых... Наташа Британ видела ее?

– Мы показали ей труп, она сказала, что никогда прежде не встречала эту женщину, – ответил Чайкин.

– Может, позвать Лиду Погодину, если они еще не уехали.

– Да, конечно...

Юля вышла на крыльцо и увидела сидящих в обнимку на скамейке Лиду и Наташу. Она позвала Лиду. Зашла с ней в морг, показала труп Зориной.

– Похоже, мне это снится... – пробормотала Лида, не в силах глядеть на простреленную голову покойницы. – Зачем вы пригласили меня сюда?

– Лида, вы никогда прежде не встречали эту женщину?

– Нет, думаю, что нет... Во всяком случае, я не помню это лицо... Ну и работка у вас, Юля... Это все? Я могу вернуться к Наташе?

– Да. Извините, что пришлось вас позвать. Подождите меня еще пару минут, и я поеду вместе с вами. По дороге заедем в аптеку, купим снотворное, и я сама сделаю Наташе укол, чтобы она уснула...

Глава 6

Эту ночь Женя Жукова провела с Шубиным. После долгого разговора с Земцовой, который немного успокоил ее и вернул уверенность в том, что между Игорем и Юлей ничего нет, она уже с более легким сердцем воспринимала участие Земцовой в расследовании убийства Британа.

После ужина, состоящего из спагетти с сыром, Женя с Игорем, устроившись в постели, мирно разговаривали о событиях прошедшего дня. Для Жени это были самые счастливые минуты, когда она чувствовала себя равной с Шубиным и имела возможность высказать свое мнение относительно хода расследования, выложить свои козыри и поделиться своими планами на следующий день. Понятное дело, что в такие минуты ждать от Шубина любви не приходилось. Но она лежала рядом с ним, касалась его, видела его, слышала его голос и верила в то, что в эти минуты они очень близки, ближе даже, чем если бы занимались сексом. Это был один из вариантов спасительного самообмана, без которого она уже не представляла себе свое будущее с Шубиным.

В квартире было тихо, на столе горела лампа, свет от которой окрашивал все предметы в спальне в теплые, оранжевые тона. По черному стеклу окна струился бесшумный дождь, и очень хотелось спать.

– Я тоже сразу подумала о том, что его уже нет в живых, – говорила Женя. Она сидела, облокотясь на подушку. – Вчера, когда Земцова была у меня, она тоже призналась мне в том, что почувствовала это... Почувствовала смерть...

– Думаю, это чувствовали все, кроме Наташи, – отозвался Игорь, чертя в блокноте каких-то бородатых гномов. – Казалось бы, обнаружили два трупа – мужчины и женщины, застреленных из одного пистолета (час назад им позвонил Чайкин и сказал, что пули, извлеченные из тел, идентичны и что получены доказательства того, что орудовал один и тот же убийца), значит, эти убийства каким-то образом связаны, как связаны были между собой и Британ с Зориной. С одной стороны, это вроде бы зацепка – надо искать, что именно их связывало. Но с другой – проще было бы все-таки расследовать одно убийство, а не два сразу...

– Может, они были любовниками?

– Это исключено. Во всяком случае, все те, кто знал Британа, напрочь отменяют эту версию.

– Да кто распространяется о таких вещах? Британ на работе – один, дома – другой, а уж как он проводит свободное время и тем более о чем он думает и что чувствует, об этом не знал никто, согласись... Просто тебе, как мужчине, самому хочется верить в то, что есть еще идеальные мужчины, что не перевелись порядочные и верные мужья...

– А может, это как раз тебе, женщине, хочется так думать?

– Нет, я никогда не обольщалась на этот счет. Я не верю никому, мужчинам – в особенности. И Британу не поверила бы.

– Просто ты не была у них дома, не видела его малышей...

– Игорь, честное слово, никогда прежде не замечала за тобой сентиментальности. Что это с тобой?

– Да я и сам не знаю, почему так близко воспринял смерть этого парня. Наверное, из-за его жены. Она еще такая молодая, красивая, а у нее на руках уже двое детей, которых надо кормить, воспитывать, поднимать...

– Выйдет замуж за того же Мустафина, к примеру, который сначала автоматически займет место Британа в бизнесе, а уж потом и в его постели... Неужели ты думаешь, что она останется одна? И вообще, мы отвлеклись. Нам надо прежде всего выяснить, где и при

каких обстоятельствах могли познакомиться Британ с Зориной, опросить друзей, знакомых, родственников...

– Лида Погодина утверждает, что Инна Зорина – совершенно посторонний человек для семьи Британ, и что это имя она прежде никогда не слышала. То же самое подтвердила и сама Наташа.

– Зорина развелась с мужем и вернулась домой. А вдруг это убийство каким-то образом связано с ее бывшим мужем?

– Я уже связался с матерью Зориной и узнал адрес и телефон этого немца, он живет в Берлине. Фамилия его – Гупель. Макс Гупель.

– Ты позвонил ему?

– Нет, я дал этот телефон Корнилову, он должен вызвать его официально, через консульство. Думаю, его приезд прольет свет хотя бы на личность этой самой Зориной. Что это за женщина, как они познакомились, чем она занималась до своего отъезда в Германию, когда они поженились, почему разошлись, в каких отношениях остались после развода...

– А разве это так важно? Думаешь, ее смерть может быть как-то связана с разводом?

– Если и не с разводом, то, во всяком случае, с ее жизнью в Германии. Может, она оставила там человека, которому задолжала деньги или с которым находилась в связи. Он приехал за ней в Россию, разыскал ее и убил... Возможно, что Британ погиб лишь как свидетель, которого пристрелили только за то, что он оказался поблизости. Или же наоборот – собирались убить Британа, а рядом очутилась Зорина. Кто знает, как все было на самом деле, но сбрасывать со счетов ее жизнь в Берлине тоже нельзя, тем более что она вернулась домой с солидным капиталом.

– Подожди, капитал... А что, если она собиралась открыть здесь свой бизнес и обратилась, скажем, к Британу, чтобы он помог ей, или наоборот – Британ хотел, предположим, занять какую-то нишу в местном бизнесе и узнал, что на его место метит Зорина? Они встретились где-нибудь за городом, в компании общих знакомых, да в той же бане, откуда он и звонил жене, сказав, что не приедет ночевать, и разговор не получился... Возможно, она была не одна, а с каким-нибудь влиятельным другом, приятелем Британа... Они выложили друг другу свои претензии или, наоборот, договорились о сотрудничестве, решили это дело отметить, выпили, а потом их застукали где-нибудь в бане... Ее подвыпивший друг достал пистолет и пристрелил обоих, а под утро, протрезвев, решил отвезти их в разные стороны... Ведь то, что они оказались в разных концах, свидетельствует о том, что убийца не хотел, чтобы эти два убийства как-то связали между собой...

– Наверно, он и не хотел, но он не мог не понимать, что трупы рано или поздно все равно отыщут и выяснят, что люди были убиты из одного оружия.

– Но оружия нет, ничего нет... Постой, Корнилов же говорил, что Зорина была изнасилована...

– Может, конечно, и изнасилована, но Чайкин склонен думать, что она просто имела контакт с мужчиной, вот и все. Потому что следов борьбы, ушибов или ссадин на теле Зориной не обнаружено. Чайкин пьет, и мне это не нравится... Думаю, что результаты экспертизы будут готовы лишь завтра вечером...

– Ему надо помочь. Убедить его полечиться. Я понимаю, он твой друг и все такое, но, помимо этого, он еще и судмедэксперт. Ты представляешь, как осложнится наша работа, если его уволят?

– Представляю. Но вот сколько знаю Лешу, он постоянно пьяный, и ничего, работает, причем работает нормально, я бы даже сказал – хорошо и очень много. Не всякий трезвый человек в состоянии выдержать нагрузку и физическую, и психологическую.

– А то, что он постоянно смеется? Это у него характер такой или...

– Думаю, это его защита. Хочешь чаю?

– Нет. Я хочу, чтобы ты выключил свет и укрыл меня одеялом. Спать хочется...

Погас свет, Женя, свернувшись под одеялом, попыталась уснуть. Игорь ушел на кухню пить чай и курить, а она снова стала думать о Земцовой. Пыталась представить себе ее жизнь там, в далеком Париже с красавцем Крымовым. Что он в ней нашел, этот Крымов? Обыкновенная девушка, не очень красивая, худенькая, простая в общении – но разве этого достаточно, чтобы привязать к себе такого парня, как Крымов? О Крымове Женя знала мало, но собирала информацию о нем по крупицам. В городе его помнили, время от времени она слышала, как эхо, отзывы людей о тех делах, в распутывании которых он принимал участие. И чувствовалось, что Крымов оставался для тех, кто был с ним знаком, человеком неординарным, ярким, талантливым, интересным; и его здесь, в Саратове, многие помнили и любили просто как человека. Слышала она и о его любовных похождениях, о тех многочисленных связях с женщинами, без которых образ Крымова был бы лишен особого очарования и флера сексуальности. Шубин показывал ей снимки, где Крымов был чаще всего снят в обществе Юли Земцовой, Нади Щукиной и самого Шубина. Жене он показался настоящим знойным красавцем, таким романтическим героем, обаятельным и неотразимым Казановой, веселым парнем с обезоруживающей улыбкой... Конечно, ей жаль, что в то благословенное время, когда агентство еще только набирало обороты, ее не было с ними, что самое интересное из истории этого агентства так и останется связано с именами Крымова и Земцовой, но особо не унывала, потому как чувствовала в себе силы удержать возле себя Шубина. Она считала, что только крепкая связь с Игорем может помочь ей преодолеть первые трудности и обрести опыт в работе. Она хотела работать, причем работать много, а потому постоянно проявляла инициативу, рвалась, что называется, в бой, даже и не предполагая, как благотворно она действует этим на склонного в последнее время к меланхолии Шубина. Вот и сейчас она попросила его выключить свет и укрыть ее одеялом, хотя на самом деле сна не было, он уже успел улетучиться, пока она анализировала все то, о чем ей рассказал Игорь. Значит, завтра или послезавтра в Саратов прилетит бывший муж Зориной – Макс Гупель. Приедет, чтобы увидеть свою бывшую жену мертвой и, возможно, принять участие в похоронах. Надо бы встретиться с ним, поговорить, расспросить об Инне...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.